

Трус / рассказ

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 23 января, 2025

Трус / рассказ ТРУС

В свете его называли «красавец Синьоль». Его имя было виконт Гонтран-Жозеф де Синьоль.

Сирота и полный хозяин значительного состояния, он, как говорится, был на виду. У него была хорошая фигура, красивые манеры, умение вести разговор, вполне достаточное, чтобы прослыть умным человеком, какое-то врожденное изящество, благородная и гордая осанка, дерзкие усы и нежный взгляд – словом, все, что нравится женщинам.

Его охотно принимали в гостиных, дамы любили вальсировать с ним, а мужчины встречали его любезной улыбкой, скрывавшей враждебность, какую обычно вызывают люди энергической внешности. Ему приписывали несколько любовных связей, способных создать холостяку прекрасную репутацию. Он жил счастливо, спокойно, в состоянии полнейшего душевного равновесия. Все знали, что он хорошо владеет шпагой и еще лучше – пистолетом.

– Если мне когда-нибудь придется драться на дуэли, – говорил он порой, – я выберу пистолет. Из пистолета я непременно убью своего противника, я в этом уверен.

И вот, как-то вечером, в театре, после спектакля, на котором он был в обществе двух дам, своих приятельниц, а также их мужей, он предложил им зайти поесть мороженого к Тортони. Через несколько минут после того, как они вошли в кафе, он заметил, что какой-то господин, сидевший за соседним столиком, упорно рассматривает одну из его спутниц. Это, видимо, смущало ее, тревожило, она сидела с опущенной головой и, наконец, сказала мужу:

– Вон тот человек все время смотрит на меня. Я его не знаю. Может быть, ты знаешь?

Муж, который до сих пор ничего не замечал, взглянул и заявил:

– Нет, совершенно не знаю.

Полуулыбаясь, полусердито молодая женщина воскликнула:

– Какая досада! Этот субъект портит мне аппетит, мороженое, и то кажется мне невкусным.

Муж пожал плечами.

– Полно! Не обращай внимания. Если думать о каждом встречном нахале, этому конца не будет.

Но виконт быстро поднялся с места. Он не мог допустить, чтобы какой-то посторонний человек портил вкус мороженого, которым угощал он. Его друзья зашли в это кафе из-за него и ради него, и, следовательно, оскорбление относилось к нему лично. Итак, дело касалось его одного.

Он подошел к сидевшему за соседним столиком мужчине и сказал ему:

– Милостивый государь, вашу манеру смотреть на этих дам я считаю недопустимой. Не угодно ли вам положить конец этой назойливости.

Тот ответил:

– Знаете что, убирайтесь к черту!

Стиснул зубы, виконт заявил:

– Берегитесь, сударь. Вы заставите меня перейти границы.

Господин ответил одним лишь словом, циничным словом, которое отдалось во всех концах кафе и произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Сидевшие спиной сразу обернулись, остальные подняли голову; три лакея круто повернулись, как, волчки; обе буфетчицы за стойкой вздрогнули и наклонились вперед всем туловищем, словно два автомата, приведенные в действие одним и тем же механизмом.

Наступила полная тишина. И вдруг резкий звук прорезал воздух: виконт дал пощечину обидчику. Все вскочили с мест, чтобы разнять их. Мужчины обменялись визитными карточками.

Вернувшись домой, виконт несколько минут широким быстрым шагом ходил взад и вперед по комнате. Он был так возбужден, что не мог ни о чем рассуждать. Одна лишь мысль – «дуэль» – носилась в его уме, но эта мысль еще не пробуждала в нем какого-либо определенного чувства. Он сделал то, что должен был сделать; он выказал себя таким, каким следует быть. Об этом заговорят, его будут одобрять, хвалить. Он несколько раз сказал вслух,

как обычно говорят наедине с самим собой в минуты сильного душевного потрясения:

– Какая скотина этот субъект!

Затем он сел и начал рассуждать. Завтра, с утра, надо будет заняться поисками секундантов. К кому обратиться? Он стал перебирать в памяти своих знакомых, наиболее солидных и пользующихся наибольшим весом в обществе. Наконец он остановился на маркизе де Ла Тур-Нуар и на полковнике Бурдене. Дворянин и солдат – это отлично. Их имена в газетах произведут впечатление. Ему захотелось пить, и он выпил подряд три стакана воды, затем снова начал шагать по комнате. Он был полон энергии. Надо выказать себя отчаянно-смелым, готовым на все, поставить суровые, опасные условия, потребовать серьезной, вполне серьезной, страшной дуэли, и тогда противник пойдет на попятный, принесет извинения.

Войдя в комнату, он вынул из кармана и бросил на стол визитную карточку, теперь он взял ее и вновь прочел, хотя уже читал в кафе и перечитывал в фиакре при свете каждого газового фонаря. «Жорж Ламиль. Улица Монсей, 51».

И только.

Он вглядывался в это сочетание букв, и оно казалось ему таинственным, полным какого-то неясного смысла: Жорж Ламиль! Что это за человек? Чем он занимается? Почему он так пристально разглядывал эту даму? Нет, это просто возмутительно, что какой-то чужой, совершенно незнакомый человек является вдруг и переворачивает всю нашу жизнь, только потому, что ему вздумалось дерзко взглянуть на женщину. И виконт еще раз произнес вслух:

– Какая скотина!

Он долго стоял неподвижно и думал, не отрывая взгляда от визитной карточки. Гнев пробуждался в нем против этого кусочка картона, гнев и ненависть, к которым примешивалось какое-то странное, тягостное ощущение. Что за глупая история! Он взял раскрытый перочинный нож, оказавшийся у него под рукой, и проткнул напечатанное имя, словно заколол кинжалом живое существо.

Итак, надо драться! Что же выбрать – шпагу или пистолет?

Оскорбленной стороной он, разумеется, считал себя. Со шпагой меньше риска, но, выбрав пистолет, он скорее вынудит противника отказаться от дуэли. Дуэль на шпагах редко имеет смертельный исход: взаимная осторожность всегда мешает противникам приблизиться друг к другу настолько, чтобы острие могло проникнуть глубоко. Избрав пистолет, он подвергает жизнь серьезному риску, зато может случиться, что он с честью выйдет из положения даже без всякой дуэли.

Он произнес:

– Надо быть твердым. Он струсит.

При звуке собственного голоса он вздрогнул и оглянулся. Несомненно, у него разыгрались нервы. Выпив еще стакан воды, он разделся и лег спать.

Очутившись в постели, он тотчас погасил свечу и закрыл глаза.

Он думал:

«Делами я могу заниматься весь завтрашний день. А сейчас надо поспать, чтобы успокоиться».

Под одеялом было очень тепло, но он никак не мог уснуть. То и дело он менял положение: минут пять лежал на спине, потом поворачивался на левый бок, потом ложился на правый.

Его все еще мучила жажда. Он встал, выпил воды. И вдруг встревожился:

«Неужели я трушу?»

Почему его сердце начинало яростно колотиться при каждом знакомом звуке, раздававшемся в спальне? Когда часы собирались бить, он вскакивал уже при слабом скрипе пружины и несколько секунд ловил ртом воздух, потому что у него перехватило дыхание.

Он начал обсуждать сам с собой такую мысль:

«Возможно ли, чтобы я трусил?»

Нет, конечно, он не трусит, поскольку он решился идти до конца, поскольку у него есть определенное, твердое намерение драться, не отступать. Однако он чувствовал в душе такое глубокое смятение, что задал себе вопрос:

«А может человек трусить, вопреки самому себе?»

И сомнение, беспокойство, ужасный страх овладели им. А что, если сила, более могучая, чем его воля, властная,

непреодолимая сила покорит его? Да, что случится тогда? Разумеется, он пойдет к барьеру, раз он так решил. Но если он задрожит? Или потеряет сознание? И он начал думать о своем положении, о своей репутации, о своем имени.

Вдруг у него явилось странное желание – встать и посмотреться в зеркало. Он снова зажег свечу. Он с трудом узнал свое лицо, отразившееся на гладкой поверхности стекла, как будто никогда до сих пор не видел себя. Глаза показались ему огромными, и он был бледен; да, он был бледен, очень бледен.

Он долго стоял перед зеркалом. Высунул язык, точно желая проверить состояние своего здоровья, и вдруг, словно пуля, его пронзила мысль: «Быть может, послезавтра, в этот час, я буду мертв».

И его сердце снова бешено забилося.

«Быть может, послезавтра, в этот час, я буду мертв. Вот этот человек – я вижу его в зеркале, это я сам – и этого человека скоро не будет. Как! Я здесь, я смотрю на себя, я чувствую, что живу, а через двадцать четыре часа буду лежать на кровати, мертвый, с закрытыми глазами, холодный, бездыханный, покончив всякие счеты с жизнью?»

Он повернулся к своему ложу и отчетливо увидел себя распростертым на той самой постели, с которой только что встал. Он лежал на спине, у него были впалые щеки мертвеца и бледные, восковые, навсегда застывшие руки.

Тогда он почувствовал страх перед своей кроватью и, чтобы не видеть ее, перешел в курительную комнату. Машинально он взял сигару, закурил и начал шагать взад и вперед. Его знобило; он подошел к звонку, чтобы позвать лакея, поднял руку к шнуру и вдруг остановился:

«Этот человек заметит, что я боюсь».

И он не позвонил, он сам растопил камин. Его руки, касаясь предметов, слегка дрожали нервной дрожью. В голове у него мутилось; тревожные мысли путались, ускользали, причиняли боль. Какой-то угар дурманил голову, словно он напился пьяным. И он беспрестанно спрашивал себя:

«Что мне делать? Что со мной будет?»

Дрожа, как в лихорадке, он встал, подошел к окну и раздвинул

занавески.

Занималось утро, летнее утро. Розовое небо окрашивало в розовый цвет город, крыши, стены. Широкий поток света, первая ласка восходящего солнца, заливал весь проснувшийся мир, и вместе с этим светом радостная, внезапная, грубая надежда охватила сердце виконта. Да что с ним! С ума он сошел? С какой стати терзаться страхом, когда ничего еще не решено, когда его секунданты еще не виделись с секундантами этого Жоржа Ламиля, когда неизвестно даже, состоится ли дуэль?

Он умылся, оделся и твердым шагом вышел на улицу.

Дорогой он думал:

«Надо быть решительным, очень решительным. Надо доказать, что я не боюсь».

Секунданты, маркиз и полковник, предоставили себя в его распоряжение и, крепко пожав ему руку, начали обсуждать условия.

Полковник спросил:

– Вы хотите, чтобы дуэль была серьезной?

Виконт ответил:

– Вполне серьезной.

Маркиз тоже задал вопрос:

– Вы настаиваете на пистолетах?

– Да.

– Вы даете нам право договориться обо всем остальном?

Сухо и отрывисто виконт произнес:

– Двадцать шагов. Целиться по команде. Наводить пистолет снизу вверх. Стрелять до первой серьезной раны.

Полковник заявил удовлетворенным тоном:

– Превосходные условия. Вы стреляете хорошо, все шансы на вашей стороне.

И они ушли. Виконт вернулся домой и стал ждать их. Нервное возбуждение, утихшее на некоторое время, возрастало теперь с минуты на минуту. В ногах, в руках, в груди он ощущал какой-то трепет, непрерывную дрожь; он был не в состоянии ни стоять, ни сидеть на месте. Во рту пересохло, и он поминутно ворочал языком, словно боялся, что тот прилипнет к нёбу.

Он хотел было позавтракать, но не мог есть. Тогда ему пришло в

голову выпить вина, чтобы подбодрить себя; он велел принести графинчик рому и одну за другой выпил шесть рюмок.

Жгучая, как огонь, струя сразу разлилась по всему телу и отуманила мозг.

«Я нашел средство, — подумал виконт. — Теперь все пойдет хорошо».

Но через час графинчик был пуст, а возбуждение снова стало невыносимым. Он чувствовал дикое желание кататься по полу, кричать, кусаться. Близился вечер.

Когда раздался звонок, виконт едва не задохнулся от волнения, у него не хватило сил подняться и пойти навстречу секундантам. Он не решался даже заговорить с ними, поздороваться, произнести хоть слово, опасаясь, как бы по изменившемуся голосу они не угадали, что с ним происходит.

Полковник сообщил:

— Все улажено в соответствии с назначенными вами условиями. Сначала ваш противник требовал привилегий оскорбленной стороны, но сразу уступил и согласился на все. Его секунданты — двое военных.

Виконт произнес:

— Благодарю вас.

Маркиз сказал:

— Извините нас, но нам надо идти. У нас еще тысяча разных дел. Раз дуэль будет прекращена только после серьезной раны, — а вы ведь сами знаете, что пули шутить не любят, — нам нужен хороший врач. Место поединка надо выбрать поблизости от какого-нибудь жилого дома, чтобы, в случае необходимости, перенести туда раненого. Словом, дела нам хватит еще на два, на три часа.

Виконт произнес еще раз:

— Благодарю вас.

Полковник спросил:

— Как вы себя чувствуете? Вы спокойны?

— Да, совершенно спокоен, благодарю вас. И секунданты ушли.

Когда виконт опять остался один, ему показалось, что он сходит с ума. Лакей зажег лампы, и он сел за письменный стол, чтобы

написать несколько писем. Надписав на одном листке: «Это мое завещание...» — он вдруг вскочил и отошел от стола, чувствуя, что неспособен думать, принять какое-либо решение, довести что бы то ни было до конца.

Итак, он будет драться на дуэли. Этого уже не избежать. Что же с ним происходит? Он хочет драться, он непоколебим в этом намерении, в этом решении, и, тем не менее, несмотря на все усилия, на все напряжение воли, он не в силах будет даже добраться до места поединка, — это ясно. Он старался представить себе дуэль, представить, как будет вести себя у барьера он сам, как будет держаться его противник.

Время от времени зубы у него негромко, дробно стучали. Он решил почитать и взял дуэльный кодекс Шатовийяра. Потом задал себе такой вопрос:

— Посещал ли мой противник тир? Известен ли он? Классный ли он стрелок? Как бы это узнать?

На память ему пришла книга барона де Во о стрелках из пистолета, и он пробежал ее с начала до конца. Имя Жоржа Ламя в ней не упоминалось. Однако, если бы этот человек не был хорошим стрелком, он не согласился бы так быстро на это опасное оружие, на эти смертельные условия.

Проходя мимо круглого столика, на котором лежал ящик Гастина Ренетта, он вынул один из пистолетов; затем встал в позицию, словно собираясь стрелять, и поднял руку. Но он дрожал с ног до головы, и дуло качалось из стороны в сторону.

Тогда он сказал себе:

— Это невозможно. Я не могу драться в таком состоянии.

Он посмотрел на конец ствола, на маленькое черное и глубокое отверстие, которое изрыгает смерть, и начал думать о бесчестии, о перешептывании в клубах, о смешках в гостиных, о презрении женщин, о намеках, которые появятся в газетах, об оскорблениях, которые будут брошены ему подлецами.

Рассматривая пистолет, он поднял курок и вдруг увидел пистон, блеснувший внутри, словно красный язычок пламени. Случайно, по чьей-то небрежности, пистолет не был разряжен. И это доставило ему смутную, необъяснимую радость.

Если при встрече с противником у него не будет той благородной

и спокойной осанки, которая необходима, он погиб навсегда. Его ждет бесчестие, клеймо позора, изгнание из общества! А у него не будет спокойной и мужественной осанки, он знал, он чувствовал это. Между тем он не лишен храбрости, потому что... Мысль, возникшая в его уме, не успела еще завершиться, как вдруг он раскрыл рот, глубоко, до самого горла засунул в него дуло пистолета и спустил курок...

Когда лакей прибежал на выстрел, виконт лежал на спине, мертвый. Струя крови забрызгала на столе белый лист бумаги, и большое красное пятно расплылось как раз под тремя словами: «Это мое завещание».

* * *

Напечатано в «Голуа» 27 января 1884 года.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 4. МП «Аурика», 1994

Перевод Д.Лившиц. Некаýalar